

Г.Д. Гловели

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

К.Э. Мерзликин

*к.э.н., сотрудник кафедры макроэкономической политики
и стратегического управления экономического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Р.М. НУРЕЕВ: ОТ «ПОЛИТЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ» К ПОИСКУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ «БОЛЬШОЙ ТЕОРИИ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. Статья посвящена научному наследию Рустема Махмутовича Нуреева, опубликовавшего в 1976 г. в сборнике Института экономики АН СССР свою первую концептуальную работу и впоследствии много лет проработавшего в Центре методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН. Показано значение творческой разработки Нуреевым концепции азиатского способа производства (АСП) для преодоления когнитивных тупиков советской политэкономической схоластики. Акцентировано обнаруженное Нуреевым сходство между АСП как исторически первой модели «власти-собственности» и административно-командной системой «реального социализма», основанной на формальном обобществлении, осуществлённом в форме тотального огосударствления общественных отношений. Охарактеризована роль Нуреева как одного из лидеров постсоветского институционализма, увидевшего в спектре институциональных теорий альтернативу антиисторизму неоклассики и перспективы для создания новой «большой теории» экономического развития на основе межпарадигмального и междисциплинарного интегрирования.

Ключевые слова: *Нуреев, политэкономия в широком смысле, азиатский способ производства (АСП), когнитивные тупики политэкономии социализма, власть-собственность, неоклассика, постсоветский институционализм, новая и новейшая экономическая история, большие теории общественного развития.*

JEL: A11, B25, B52, D01, E02, N15, O10, P00

УДК: 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_91_104

© Г.Д. Гловели, К.Э. Мерзликин, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Гловели Г.Д., Мерзликин К.Э.* Р.М. Нуреев: от «политэкономии в широком смысле» к поиску институциональной «большой теории» экономической истории // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 91–104. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_91_104.

FOR CITATION: *Gloveli G., Merzlikin K.* R.M. Nureev: from «Political Economy in a Broad Sense» to the Search for an Institutional «Grand Theory» of Economic History // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 91–104. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_91_104.

Преодоление когнитивных тупиков советской политэкономической схоластики

Рустем Махмутович Нуреев (1950–2023) был, по существу, единственным российским политэкономом после первопроходцев А.А. Богданова (1873–1928) и И.И. Степанова (1870–1928)¹, внёсшим серьёзный вклад в «политическую экономию в широком смысле», как определил Ф. Энгельс науку об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен и, соответственно этому, совершается распределение продуктов в разных общественных формациях [Энгельс, 1961. С. 153–154]. Хотя существование не только политэкономии капитализма и «политэкономии социализма», но и политэкономии добуржуазных (докапиталистических) способов производства считалось азбучной истиной в советской науке, более или менее содержательные опыты «политической экономики феодализма» были предприняты только докторами исторических наук Б.Ф. Поршневым (1905–1972) и Ф.Я. Полянским (1907–1983), однако остались незамеченными [Поршнев, 1956; Полянский, 1980]. Очерки же «политэкономии» первобытнообщинной и рабовладельческой формаций, написанные секретарями Отделения экономики АН СССР К.В. Островитяновым [Островитянов, 1972] и А.М. Румянцевым [Румянцев, 1981], скорее стоит отнести к разряду неактуализируемой партийной догматики.

В эту догматику не вписывалась вызвавшая две волны дискуссий (1920-е — начало 1930-х гг. и 1960–1980-е гг. [Нуреев, 1989. Гл. 1]) концепция «азиатского способа производства» (АСП). Для самого понятия место в советских энциклопедиях нашлось лишь на рубеже 1960–1970-х гг. — с отсылками к статье К. Маркса «Британское владычество в Индии» и его рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству» [Тер-Акопян, 1969, 1972]. Тогда же (1970) вышло и переиздание известного университетского «Курса политической экономики». Его авторы, руководимые Н.А. Цаголовым (1904–1985), отстаивали применение диалектического метода «Капитала» Маркса к построению систематической теории производственных отношений всех способов производства, а не только капиталистического. Хотя понятие «азиатский способ производства» в «Курсе политической экономики» не использовалось, один из его основных авторов, В.Н. Черковец (1924–2018), обратил внимание студента Рустема Нуреева² на проблему АСП и уместность её прояснения на основе метода, прокламированного политэкономом МГУ. Метод характеризовался как восхождение от абстрактного к конкретному — с выделением в каждой формационной системе исходного, основного и производных производственных отношений, основного экономического противоречия. Это и было осуществлено Нуреевым применительно к АСП в кандидатской диссертации (1977). После защиты он присоединился к кафедре политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, быстро снискав известность как искушённый методолог и ведущий специалист по политэкономии докапиталистических формаций [Нуреев, 1979а; Нуреев, 1979б; Нуреев, 1980].

Политэкономический анализ АСП, начатый ещё на студенческой скамье, образно говоря, «дал старт» многогранной научной деятельности Р.М. Нуреева, в течение 20 лет углублявшего своё понимание категории АСП и докапиталистических способов производства в целом [Нуреев, 1991], хотя широко развернувшаяся полемика об АСП так и не

¹ Неоднократно переиздававшийся до середины 1920-х годов «Курс политической экономики» А. Богданова и И. Степанова (1910–1919) и предшествовавший ему знаменитый «Краткий курс экономической науки» А. Богданова (1897, со многими переизданиями до 1924), при всех недостатках были первыми попытками построения «политэкономии в широком смысле», основанными на едином структурном подходе к различным способам производства [Гловели, 2010].

² Учился на экономическом факультете МГУ в 1967–1972 гг., затем там же в аспирантуре (до 1975).

привела к общему знаменателю позиции приверженцев марксистского формационного подхода (не только советских, но и западных³).

Период становления Р.М. Нуреева как учёного пришёлся на пик «застоя» 1970-х гг., когда говорить о свободном творчестве в такой идеологической области, как политическая экономия, было весьма затруднительно. За четверть века, прошедшие со времени выхода «сталинского» учебника политической экономии под редакцией академика К.В. Островитянова и пяти других редакторов-соавторов [*Островитянов и др.*, 1954], несмотря на подчас весьма острые споры между сложившимися школами политэкономии социализма, её основная структура так или иначе воспроизводилась во всех последующих советских учебниках и большинстве монографий советских политэкономов: общественная собственность на средства производства; основной экономический закон; планомерность; товарно-денежные отношения; хозрасчёт; распределение по труду [*Ореховский и др.*, 2022. С. 38]. Даже в Советской исторической энциклопедии отмечалось, что незавершённые дискуссии советских политэкономов о причинах сохранения товарно-денежных отношений и их роли при социализме приобрели схоластический характер [*Корхов*, 1973. С. 272]. То же самое можно сказать о полемике между «цаголовской школой» экономического факультета МГУ, отстаивавшей категорию планомерности как исходного производственного отношения («экономической клеточки») во всей системе производственных отношений социализма, и теми, кто утверждал, что планомерность — не особая экономическая категория, а одна из сторон всей системы производственных отношений социализма [*Абалкин*, 1973. С. 53]. Систематизация производственных отношений на исходные, основные и производные тоже была из разряда схоластического теоретизирования [*Нуреев*, 2015. С. 40], как и споры о составе и доле необходимого и прибавочного продуктов в совокупном общественном продукте [*Нуреев, Ореховский*, 2021б. С. 206].

«Когнитивный тупик» советской политэкономии, связанный с исключением из неё важнейшего необходимого элемента развития любой научной дисциплины — возможности критики и уточнения положений предшественников, проявился в дискуссии на экономическом факультете МГУ в 1975 г., после которой факультет вынужден был покинуть В.П. Шкредов (1925–1996). Он обратил внимание на ошибочность расхожего представления о том, что предметом исследования I отдела I тома «Капитала» являются не товар и товарное обращение, а товарное производство [*Нуреев, Ореховский*, 2021а. С. 194]. Но это представление восходит к сакрализованым текстам В.И. Ленина, сомнения Нуреева в букве которых вызвали большое недовольство ортодоксального коммуниста В.Н. Черковца [*Нуреев*, 2015. С. 44]. Вместе с тем тщательное изучение в студенческие годы и во время подготовки кандидатской диссертации наследия «классиков марксизма-ленинизма» позволило Р.М. Нурееву:

а) уже в первой аспирантской статье уверенно включиться в полемику советских обществоведов о марксистской позиции по проблемам специфики собственности и экономической роли государства (организатора общественных работ) в странах Востока [*Нуреев*, 1974];

б) парировать отрицательный отзыв на диссертацию, поступивший от ведущей организации — Академии общественных наук при ЦК КПСС, с упреками автору за отрицание

³ В 1962 г. во французском Центре марксистских исследований была организована группа по проблемам азиатского способа производства, которая объединила и возглавила выступления учёных-марксистов развитых капиталистических, социалистических и развивающихся стран. Журнал французских марксистов «*La Pensée Revue du rationalisme moderne*» стал подлинным центром дискуссии об азиатском способе производства [*Нуреев*, 1989. С. 23–24].

марксистско-ленинских теорий классов, государства, общественно-экономических формаций и ошибочном противопоставлении раннего Маркса позднему⁴;

в) пересмотреть понятие «общественно-экономическая формация», как догматическое упрощение, не соответствующее аутентичному взгляду Маркса на «экономическую общественную формацию», объединяющую антагонистические способы производства (азиатский, рабовладельческий, феодальный, капиталистический) и сменяющую первичную общественную формацию, основанную на общей собственности;

г) актуализировать Марксову типологию сельской общины, выступавшую в качестве первичной формы личной зависимости и «первой великой производительной силы»;

д) чётко классифицировать три основных направления в подходах авторов, включившихся с середины 1960-х гг. в новую дискуссию об азиатском способе производства и обогативших аналитический аппарат теории классовых обществ категорией *ренты-налога*. При этом в советскую политэкономическую литературу данная категория была введена именно Нуреевым [Нуреев, 1976; Нуреев, 1979б; Нуреев, 1980].

Большинство советских обществоведов продолжало отстаивать положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ, ставшее результатом первого этапа дискуссии об АСП (1920-е — начало 1930-х гг.), завершённого «сверху» по указанию И. Сталина [Нуреев, 1989. С. 221]. Но в ходе второго этапа дискуссии, развернувшейся в 1960–1970-е гг., рядом исследователей было подмечено, что характерная для восточных обществ эксплуатация сельских общинников посредством взимания ренты-налога и общественных работ (строительства ирригационных и оборонительных сооружений, храмов, дворцов) скорее соответствует разновидностям феодальной ренты — продуктовой и отработочной [Нуреев, 1979а]. Так появилась концепция единой «большой феодальной формации», которую наиболее последовательно развивал африканист Ю.М. Кобищанов (1934–2022) [Кобищанов, 1974; Кобищанов, 1992]. Близкую концепцию единого рентного докапиталистического способа производства обосновал В.П. Илюшечкин (1915–1996), энциклопедически обобщивший огромный фактический материал о различных формах эксплуатации во всей истории древности, средневековья и нового времени. Илюшечкин разделил все добуржуазные общества на четыре группы в зависимости от заключаемой в них пропорции различных форм частнособственнической эксплуатации (арендной; крепостнической; промежуточными между крепостничеством и арендой; рабовладельческой) [Илюшечкин, 1971; Илюшечкин, 1990].

Наконец, третье направление было представлено собственно сторонниками АСП как смешанного феодально-рабовладельческого («профеодально-кабального») общества с определяющей ролью государственной собственности и эксплуатацией государством формально свободного крестьянства [Нуреев, 1979а]. Вскоре из этого направления выделились два широких подхода, впоследствии развивавшиеся авторами на протяжении нескольких десятилетий. Один из них был предложен китаистом Л.С. Васильевым (1930–2016), выдвинувшим в центр характеристик восточных обществ категорию «власти-собственности», отражающей факт опосредования функции собственника причастностью к власти [Васильев, 1982].

Другой подход был обоснован Ю.И. Семеновым (1929–2023), написавшим ещё в первой половине 1970-х гг. для сборника «Становление классов и государства» большую статью о широком распространении во времени и в пространстве праклассовых и классовых обществ с «пирамидно-сегментарной» структурой. Учёный приходил к выводу, что К. Маркс первоначально назвал «азиатским» первый антагонистический способ производства, где верховным собственником земли был *класс, организованный в форме иерархии*

⁴ В результате диссертационный совет единогласно проголосовал за присуждение Нурееву степени кандидата экономических наук.

должностных лиц. Затем Маркс перестал пользоваться этим термином, убедившись, что данный способ производства существовал не только в Азии, но и в других частях света. Семенов предложил назвать этот способ производства «политарным», характеризующимся общеклассовой частной собственностью эксплуататоров — получателей прибавочного продукта, движущегося от подножия социальной пирамиды к её вершине.

Позднее, в постсоветское время, Семенов отмечал, что уже тогда, в «застойные» 1970-е гг., понял, что «наше советское общество является не чем иным, как новейшим вариантом политаризма», однако его статья «ни в малейшей степени не представляла собой попытки преподнести в замаскированном виде картину советского общества» [Семенов, 2019. С. 9]. Но параллели с социально-экономическим строем, сложившимся в СССР, вырисовывались отчётливо, поэтому статья была изъята из упомянутого сборника, хотя через несколько лет, благодаря поддержке экономиста-востоковеда В.Г. Растянникова (1928–2015), всё же увидела свет в другом сборнике [Семенов, 1980].

Молодой Р.М. Нуреев, рассматривая проблематику АСП в контексте растущей экономической активности государства с сопутствующим ростом коррупции и бюрократизма в развивающихся странах Азии и Африки [Нуреев, 1976б. С. 206], использовал в качестве синонима термину «азиатский» и соответствующей формы отчуждения прибавочного продукта определение «архаическая неразвитость классовых отношений», обращая особое внимание на непосредственное совпадение класса эксплуататоров с государством, т.е. «архаическую нерасчленённость владельцев средств производства с бюрократической и военной машиной» [Там же. С. 220]. При такой нерасчленённости эксплуатировался «формально непосредственно общественный труд, причём его общественный характер перерос границы общины и достиг уровня общества» [Там же. С. 223]. Напрашивались параллели с «непосредственно общественным» характером труда при социализме — догмой политэкономической схоластики о системе производственных отношений коммунистической формации [Курс политической экономии, 1974. С. 97, 243]. Характерно, что цитируемая статья Нуреева появилась в сборнике Института экономики АН СССР с характерным заглавием «Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма».

Лишь в конце 1980-х гг., в период раскрепощения общественной мысли, инспирированного «перестройкой» и «гласностью», Нуреев выступил с прямым сопоставлением АСП и построенного в СССР «государственно-бюрократического социализма» [Нуреев, 1990]. За плечами автора к тому времени имелся, с одной стороны, опыт систематизации экономических аспектов законодательных и литературных памятников древневосточных обществ [Нуреев, 1987], а с другой — знакомство с диссидентскими концепциями тоталитарной власти в СССР, уподобляемой «восточному деспотизму» [Wittfogel, 1957; Восленский, 1984]. Кроме того, с провозглашением в 1987 г. М.С. Горбачёвым курсом на «обновление социализма» обиходными стали обобщения «командно-административная система» и «механизм торможения» как характеристики произошедших в 1930–1970-е гг. «деформаций» идеальной марксистско-ленинской модели. Уже в 1988 г. на страницах главного печатного органа ЦК КПСС «Правда» была дезавуирована «политэкономия социализма» с её «сладенькой догмой о непосредственно общественном характере труда при социализме» [Дзокаева, 1988].

Нуреев в статье мартовского номера журнала «Вопросы экономики» за 1990 г. указывал, что многие социально-экономические деформации в СССР в 1930–1970-е гг. имели «азиатскую» природу, включая чрезмерное огосударствление, полное вытеснение частного-собственнического сектора, практику административного воздействия на рыночные отношения (которые имели подчинённый и ограниченный характер) в форме установления твёрдых цен, и т.д. Он усматривал корни командно-административной системы в разрыве между реальным уровнем обобществления производства и чрезмерным огосударствлением

экономики, сближавшим «реальный социализм» по своим сущностным характеристикам с азиатским способом производства.

Однако, размышляя о сходстве «деформированного» социализма и АСП в русле перестроечного дискурса о возможности «подлинного обновления социализма, развития его гуманистической природы» [Нуреев, 1990. С. 58], Нуреев отвергал отождествление АСП и социализма, поскольку эти способы производства возникают на разных стадиях развития производительных сил [Там же. С. 52]. Критика «деформаций» социализма сопровождалась оговорками о возможности реализации «социалистического идеала» на основе «самоутверждения личности», включая свободу передвижения, выбор работы, перемену профессий, смену жилья и места проживания, хозяйственный расчёт и рынок, самоуправление трудовых коллективов [Там же. С. 57].

Поздние, постсоветские оценки Нуреевым «азиатских черт» экономики СССР 1930–1970-х гг. стали более жёсткими. Например, в послесловии к русскому переводу книги известного советолога П. Грегори «Политическая экономия сталинизма» Нуреев отмечал: «Государство монопольно определяет условия предоставляемой работы, её содержание, систему оплаты, формирует репрессивный аппарат, законодательно ограничивает формы протеста. Происходит не только формальное, но и реальное подчинение труда государственно-бюрократическому строю. Под видом борьбы с характерными для капитализма отношениями вещной зависимости и экономического принуждения воспроизводятся предкапиталистические формы: отношения личной зависимости и внеэкономического принуждения» [Нуреев, 2008. С. 373]. Эта мысль развивается в резюмирующем исследовании о влиянии дискуссий об азиатском способе производства на преодоление когнитивных тупиков политэкономии социализма: «Ретроспективно важным и чрезвычайно интригующим обстоятельством является то, что существенная часть советских политэкономов признала социализм не новым, передовым общественным строем, а видоизменённой докапиталистической формацией. И это — в 1970-е гг.! Причём с опорой на К. Маркса и Ф. Энгельса! Отсюда оставался один шаг до признания необходимости радикальных институциональных реформ и полного отказа от прежней социалистической риторики» [Нуреев, Ореховский, 2022. С. 142].

Расширение методологической основы исследований — переход к институционализму и поиск «большой теории» экономической истории

В своих итоговых размышлениях о спорах вокруг АСП и «восточного деспотизма» Р.М. Нуреев отметил, что, хотя автор известной концепции «гидравлического общества» К. Виттфогель и дистанцировался от прежних коллег-марксистов, основ другой экономической теории он так и не усвоил [Нуреев, Ореховский, 2022. С. 137]. То же самое можно сказать и об историософском дискурсе автора концепции «власти-собственности» Л.С. Васильева. Тот в своём итоговом многотомнике «Всеобщая история» увлечённо-ожесточённо боролся с поверженным марксизмом (историческим материализмом), при этом продолжая упорно привлекать в свою поддержку идеи К. Маркса об АСП (см.: [Алаев, 2012. С. 67–68]). Но этого никак нельзя сказать о творческом поиске самого Р.М. Нуреева.

Нуреев ясно сознавал не только то, что переоценка событий 1917 г. затрагивает все составляющие марксистского обществоведения (экономическую, философскую, социально-политическую), но и то, что смятение марксизма — не единственный акт драмы ухода с исторической сцены «больших теорий» экономического и социогуманитарного знания [Нуреев, 2015. С. 41]. Однако специально штудировавший в студенческие годы не только Маркса, Энгельса и Ленина, но и «Науку логики» Г. Гегеля, для углубления методологии анализа АСП Нуреев не собирался ни отказываться от фундаментальной политэкономической

и философской подготовки, обеспеченной марксистским образованием, ни ограничиваться фрагментарным (по его словам — «точечным») характером современного экономического мейнстрима [Там же. С. 41].

На рубеже 1980–1990-х гг., будучи одним из лучших преподавателей марксистской политэкономии, Нуреев одним из первых признал не только закат «политэкономии социализма», но и кризис марксистской политэкономии капитализма. И обратился к освоению мейнстримных теорий⁵ с последующей их адаптацией не только к радикально менявшемуся российскому экономическому образованию, но и к прикладным научным исследованиям.

Всероссийское признание снискали в 1990-е гг. его учебники по микроэкономике, ставшие самыми цитируемыми российскими учебниками по этой дисциплине [Манушин, Еникеев, 2023. С. 454]. Причём эти учебники отличались систематическими институциональными акцентами, проводимыми с первых же глав о базовых категориях рыночной экономики: трансакционные издержки, экономика информации, public choice, и т.д. Стоит сказать, что в подготовке учебно-методических материалов, ориентированных на российские сюжеты из прошлого и настоящего, Р.М. Нурееву помогал его ученик Ю.В. Латов, ещё со второго курса экономического факультета МГУ работавший под руководством Нуреева над проблематикой АСП и защитивший кандидатскую диссертацию по теме «Обмен деятельностью в условиях азиатского способа производства» (1993). В 2000-е гг. Латов стал видным специалистом по теории и истории теневой экономики, хорошо знакомым с научным аппаратом экономического анализа преступности одного из лидеров Чикагской школы, Г. Беккера (равно как и с вышедшей из той же школы теорией человеческого капитала) [Латов, 1999; Латов, 2006; Латов, Ковалев, 2006]. Однако Нуреев и Латов, часто выступавшие как соавторы, не приняли беккеровской программы неоклассического «экономического империализма». Напротив, как противоядие от засилья экономического империализма они рассматривали традиции и новации институционализма, научной парадигмы, развивающейся на границах собственно экономической науки и соседних общественных наук, особенно наук на междисциплинарных стыках — экономической социологии, социальной психологии. Уже в новом веке, в качестве главного научного сотрудника Института экономики РАН и заведующего кафедрой макроэкономики Финансового университета, Нуреев особое внимание уделил критике методологических предпосылок мейнстримной макроэкономики и наведению мостов между нею и институционализмом [Нуреев и др., 2013; Нуреев, 2013].

Нуреев не только уловил возрастание значимости институциональной экономической теории, но и изучил и классифицировал все её направления [Нуреев, 1999], уделяя особое внимание новой политической экономии, по которой опубликовал первый российский учебник [Нуреев, 2005]. Ещё одним направлением, по которому Нуреевым также был создан первый российский учебник, стала экономика развития [Нуреев, 2001]. Здесь сказался давний, в контексте проблематики АСП, интерес к экономическим особенностям стран третьего мира, особенно к Индии [Нуреев, 1976а], обогащённый освоением различных макроэкономических и институциональных теорий зависимости, догоняющего развития и модернизации. Наконец, в стремлении к учёту преимуществ разных подходов и объёмному видению структуры пространства исследований Нуреев, разумеется, не мог избежать влияния институционалистской новой экономической истории (НЭИ) Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста, некоторые разработки которой пересекаются с концепцией «власти-собственности» [Нуреев, Ореховский, 2022. С. 142].

Неудивительно, что именно Р.М. Нуреев стал одним из лидеров постсоветского институционализма — организатором-руководителем виртуальной мастерской «Поиск

⁵ Включая сдачу вводного и промежуточного курсов по микро- и макроэкономике в Лондонском университете.

эффективных институтов для России XXI-го века», объединившей учёных из разных российских регионов и республик СНГ; главным редактором цикла коллективных монографий «Постсоветский институционализм» (выходивших с регулярностью альманаха в 2005–2012 гг. в разных городах от Донецка до Томска); организатором-сопредседателем Международной ассоциации институциональных исследований; основателем (2009) и главным редактором специального «Журнала институциональных исследований» (*Journal of Institutional Studies*); и, конечно же, автором учебников об особенностях институционального развития России [Нуреев, 2009; Нуреев, Латов, 2016].

Особо надо отметить найденную Нуреевым и его коллегами, разделявшими пафос стимулирования и распространения новых институциональных идей среди российских обществоведов, оригинальную форму сочетания очных симпозиумов и заочных интернет-конференций. В 2003-2005 гг. в таком плодотворном формате были проведены организованные НИУ ВШЭ (тогда ГУ ВШЭ) дискуссии по вопросам институционального анализа функционирования экономических субъектов постсоветской России, экономической антропологии К. Поланьи и теории, которую Нуреев охарактеризовал, как новейшую экономическую историю, — историю зависимости от предшествующего развития (*Path Dependence*).

«Новая» и «новейшая» институциональные теории экономической истории, по оценке Нуреева и Латова, с двух сторон подходят к проблеме изменчивости институтов. Если Д. Норт и его коллеги сделали акцент на выборе норм, возможности конструирования и экспорта институтов, то первооткрыватель QWERTY-эффектов П. Дэвис (выступивший в онлайн-формате на организованной Нуреевым дискуссии) и его последователи — на институциональной инерции, «колее», которая мешает конструированию и импорту институтов. Оригинальным российским продолжением этих концепций на материале постсоветской экономики стала теория «институциональных ловушек» академика В.М. Полтеровича [Полтерович, 1999]. Если Д. Норт и дополнивший теорию *Path Dependence* описанием эффекта блокировки (*lock-in*) Б. Артур акцентировали внимание на институтах, замедляющих развитие экономических систем в сравнении с более эффективными альтернативами, то В. Полтерович проанализировал ситуацию, когда неэффективный институт не просто тормозит развитие, но разрушает ту систему, в рамках которой он сформировался [Нуреев, Латов, 2006б. С. 241].

Нуреев и Латов подчеркнули, что концепция «институциональных ловушек» Полтеровича удачно объясняет положение, в котором оказалась западная экономическая наука, основанная на доминировании неоклассики. С тех пор, как школа А. Маршалла заложила фундамент *economics*, «развитие экономической науки в течение уже более столетия идёт в одной и той же колее, хотя в адрес неоклассики накапливается всё больше критики» [Там же. С. 242].

Теория *Path Dependence* основана на снискавшей на рубеже тысячелетий широкую (хотя часто поверхностную) популярность метанаучной синергетической парадигме, связанной с именем Ильи Пригожина, создателя теории самоорганизации порядка из хаоса [Там же. С. 247]. Социально-экономические системы, как и природные, проходят через бифуркационные события, когда происходит выбор какой-либо одной возможности из веера различных альтернатив. Развитие общества не является жёстко predetermined — наблюдается чередование периодов институциональной инерции, когда вектор развития изменить нельзя (движение по аттрактору), и точек бифуркации, в которых возникает возможность выбора институтов [Нуреев, Латов, 2010. С. 20].

Илья Романович Пригожин (1917-2003) дружил с Иммануилом Валлерстайном (1930-2019) [Дерлугьян, 2013. С. 363], учеником крупнейшего историка-экономиста XX в. Фернана Броделя (1902-1985) и основателем мир-системного подхода, снискавшего в начале XXI в. широкое признание как мощное теоретическое направление, в рамках которого реально

осуществился методологический синтез между стадийным видением и интерпретацией истории как совокупности различных крупных локальных систем (цивилизаций) [Крадин, 2008].

Предложенная И. Валлерстайном типология исторических систем: 1) реципрокные минисистемы; 2) редистрибутивные мир-империи; 3) современная капиталистическая мир-система (мироэкономика), основанная на асимметричных международных рыночных обменах, базируется на ключевой идее Карла (Кароя) Поланьи (1886–1964) о трёх институциональных типах экономической координации, взаимодействий людей по поводу получения благ и услуг: реципрокности, редистрибуции, рыночном обмене. Реципрокность (от лат. *reciprocus* — «возвращающийся») означает взаимность по принципу «ты мне, я — тебе»; редистрибуция — перераспределение (лат. *redistributio*), когда продукты поднимаются по социальной лестнице снизу вверх, а затем частично поступают обратно; рынок — когда обмен принимает монетарную форму [Валлерстайн, 2008. С. 75–76].

Нуреев вместе с учениками и коллегами предпринял оригинальную попытку «достроить» концепцию Поланьи до «большой теории» [Нуреев, Латов, 2006а. С. 10–12], интегрировав её в свой параллельно-последовательный подход к формационной эволюции, с выделением западного, основанного на институтах частной собственности, и восточного (политарного), основанного на власти-собственности, путей развития (рис. 1).

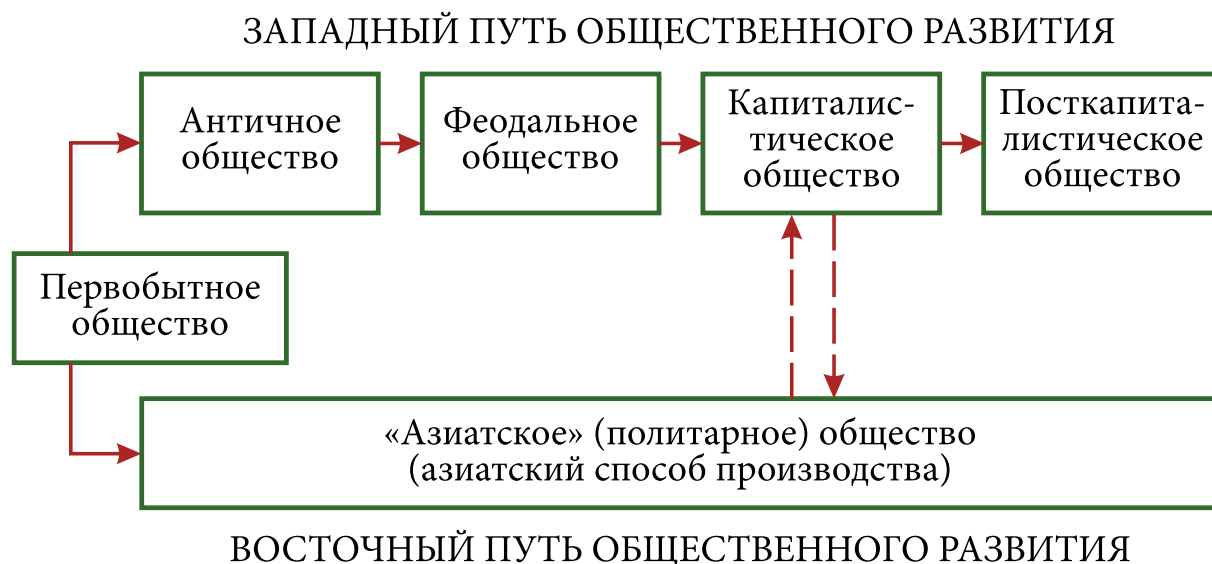

Рис. 1. Параллельно-последовательный принцип формационного анализа экономической истории человечества с выделением западного и восточного (политарного) путей общественного развития

Источник: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. — М.: Кнорус, 2016. С. 26.

Как новейшая экономическая история, основанная на теории зависимости от предшествующего развития, так и концепция К. Поланьи выдвигались Нуреевым как альтернатива неоклассике [Нуреев, Латов, 2006б. С. 244] с её принципиальным анти-историзмом и амбициозным, но узким экономическим империализмом. Очевидно, сильно развитое эстетическое чувство глубокого знатока мировой художественной культуры (особенно архитектуры) и мастера наглядно-образного моделирования [Пястолов, 2024. С. 119] побуждало видеть за спектром экономических концепций институционализма (как «нового», так и «старого») очертания контура новой «большой теории» общественного развития, оттенявшей бы более точно многоцветье реальности. Нуреев выделял полудюжину больших теорий общественного развития: марксизм, локально-цивилизационные подходы (в их разнообразии от веберизма до кросс-культурализма Г. Хофстеде), теории постиндустриального общества, концепция Поланьи, миросистемный анализ, институциональная

новая экономическая история. Новейшая экономическая история (Path Dependence) была отнесена к особо значимым подходам «среднего уровня» — наряду с развиваемой рядом отечественных учёных «социоестественной историей», смыкающейся с исторической климатологией [Нуреев, Латов, 2016. С. 8–11]. Нуреев и солидарный с ним Латов исходили из того, что указанные выше подходы в совокупности дают научный инструментарий, позволяющий рассчитывать на построение синтетической теории экономической истории. «Это возможно, поскольку все перечисленные парадигмы основаны на трактовке общества, рассматриваемого не как механическая сумма индивидов, а как система социальных организаций и социальных норм. В этом случае существующие “большие” теории не противоречат, а дополняют друг друга. Основой такого синтеза, по нашему мнению, может стать *трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов*, в процессе которой происходит отбор — отчасти осознанный, отчасти стихийный — наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества» [Там же. С. 21].

Упорядочивая набор подходов и методов изучения истории народного хозяйства, Нуреев и Латов не только представили схему взаимодействия экономической теории, исторической и статистической науки, выделив зоны пересечения всех трёх наук и их методов, но и наметили программу масштабного историко-экономического синтеза на основе институционального подхода, который носит межпарадигмальный и междисциплинарный характер.

Но Нуреев не случайно, с долей присущего ему юмора, называл самого себя «воплощённым противоречием» [Нуреев, Латов, 2015. С. 43]. Отчасти, видимо, он подразумевал диалектическое движение через антиномии и отрицание отрицания, столь впечатляюще развёрнутое в «Науке логики» Гегеля и «Капитале» Маркса. От тезиса марксистской политэкономии через отрицание советской схоластики был сделан решительный шаг к неоклассическому антитезису, а через отрицание неоклассической антиисторичности — к институциональному «синтезу парадигм», в котором нашлось место и герменевтике марксизма, и пропедевтике неоклассического Economics.

Речь идёт о разработке Нуреевым общей типологии экономических ресурсов (производительных сил). В итоговых марксистских монографиях об азиатском способе производства и докапиталистических формациях в целом [Нуреев, 1989; Нуреев, 1991] была обоснована типология производительных сил: естественные (изначально данные природой); общественные (созданные индивидом и/или локальными коллективами — общиной, фирмой); всеобщие (созданные крупными коллективами — государством, человечеством в целом). Дополнительно разделив первые два типа ресурсов на два вида — каждый в зависимости от того, являются ли ресурсы субъективными (неотделимыми от личности человека) или же объективными (выступающими как внешнее условие человеческой деятельности), Нуреев получил классификацию экономических ресурсов, хорошо сопрягаемую с набором 5 основных ресурсов в современном стандартном курсе экономикс (табл. 1).

Полученная классификация носит одновременно и универсальный, и формационно-специфический характер, поскольку все разновидности ресурсов существуют при любой социально-экономической системе, но для каждой из них типична своя специфическая комбинация основных ресурсов. Опираясь на свою типологию, Нуреев вместе с Латовым обосновал категорию «производственной среды российской цивилизации» [Нуреев, Латов, 2016. С. 37–39]. Она стала отправным пунктом в институциональном анализе экономической истории России, изложенном в многочисленных статьях, монографии об «эффекте колеи» в российско-европейском расхождении [Нуреев, Латов, 2010] и новаторском учебнике [Нуреев, Латов, 2016].

Предпринятый Нуреевым и его учеником Латовым институциональный синтез российской экономической истории будет рассмотрен нами отдельно, а сейчас вернёмся

Таблица 1

Типология ресурсов, сочетающая универсально-экономический и формационно-специфический подходы.

Типы ресурсов по их происхождению	Естественные (изначально данные природой)		Общественные (созданные индивидом и/или локальными коллективами)		Всеобщие (созданные крупными сообществами)
	Субъективные (природа самого человека) — ТРУД	Объективные (окружающая природа) — ЗЕМЛЯ	Субъективные (знания и навыки) — ИНФОРМАЦИЯ	Объективные (предметы и средства труда) — КАПИТАЛ	
Виды ресурсов по их принадлежности	Субъективные (природа самого человека) — ТРУД	Объективные (окружающая природа) — ЗЕМЛЯ	Субъективные (знания и навыки) — ИНФОРМАЦИЯ	Объективные (предметы и средства труда) — КАПИТАЛ	Субъективные (институты и организация) — ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
Типы капитала	Физиологический	Природный	Человеческий	Вещественный	Социальный

Составлено по: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. – М. Кнорус. С. 37–38.

к самооценке Нуреева как «воплощённого противоречия». Это было сказано в контексте «диалога глухих» в российской экономической науке, нежелания сторон слышать друг друга. Рустем Махмутович Нуреев и словом, и делом доказывал возможность «диалога на конструктивной основе» [Нуреев, 2015. С. 42]. И эту его готовность к конструктивному диалогу можно уподобить высококачественной линзе, концентрирующей спектр его многогранного научного наследия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абалкин Л.И. (1973). *Хозяйственный механизм развитого социалистического общества*. [Abalkin L.I. (1973). The economic mechanism of a developed socialist society]. — М.: Мысль.
- Алаев Л.Б. (2012). *Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.И. Непомнин versus Л.С. Васильев)*. [Alaev L.B. (2012). Two newest concepts of the history of the East and the world (O.I. Nepomnin versus L.S. Vasiliev) // *Comparative Politics*. № 1. С. 67–82.
- Валлерстайн И. (2008). *Миросистемный анализ: введение*. [Wallerstein I. (2008). World-systems analysis: an introduction]. — М.: Территория будущего.
- Васильев Л.С. (1982). Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур [Vasiliev L.S. (1982). The phenomenon of power-property. To the problem of typology of pre-capitalist structures] // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. — М.: Наука. С. 60–99.
- Восленский М. (1984). *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза* [Voslensky M. (1984). Nomenklatura. The ruling class of the Soviet Union]. — London: OPI.
- Гловели Г.Д. (2010). Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма [Gloveli G.D. (2010). Political economy in a broad sense: elements of institutionalism and utopianism] // *Вопросы экономики*. № 10. С. 113–134.
- Дерлугьян Г. (2013). *Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы*. [Derluigian G. (2013). How this World Works. Sketches on macrosociological topics]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Дзокаева Т.К. (1988). Последняя жертва [Dzokaeva T.K. (1988). The last victim] // *Правда*. № 127. 6 мая. С. 3.
- Илюшечкин В.П. (1971). *Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени*. [Ilyushechkin V.P. (1971). Rent form of exploitation in prebourgeois societies of Antiquity, the Middle Ages and Modern Times]. — М.: Институт востоковедения АН СССР.
- Илюшечкин В.П. (1990). *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. Опыт системно-структурного исследования* [Ilyushechkin V.P. (1990). Exploitation and property in estate-class societies / Experience of systemic-structural research]. — М.: Наука.
- Кобищанов Ю.М. (1974). Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития [Kobishchanov Yu.M. (1974). African feudal societies: reproduction and uneven development] // *Африка: возникновение отсталости и пути развития* / Отв. ред. Л.Е. Куббель. — М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы. С. 85–290.
- Кобищанов Ю.М. (1992). Теория большой феодальной формации [Kobishchanov Yu.M. (1992). The theory of the great feudal formation] // *Вопросы истории*. № 4–5. С. 57–72.

- Корхов Ю.А. (1973). Товарное производство. [Korkhov Yu.A. (1973). Commodity production // Soviet Historical Encyclopedia] // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. — М.: Советская энциклопедия. С. 268–271.
- Крадин Н.Н. (2008). Проблемы периодизации исторических макропроцессов [Kradin N.N. (2008). Problems of periodization of historical macroprocesses] // История и математика. Модели и теории / Ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков, М.: ЛКИ — УРСС. С. 166–200.
- Курс политической экономии (1974). Т. II. Социализм. / Под ред. Н.А. Цаголова [The course of political economy (1974). Vol. II. Socialism. / N.A. Tsagolov (ed.)]. — М.: Экономика.
- Латов Ю.В. (1999). Экономическая теория преступлений и наказаний (экономисты в гостях у криминологов) [Latov Yu.V. (1999). Economic theory of crime and punishment (economists visiting criminologists)] // Вопросы экономики. № 3. С. 60–75.
- Латов Ю.В. (2006). Роль «теневой экономики» в социально-экономической истории [Latov Yu.V. (2006). The role of «shadow economy» in socio-economic history] // Историко-экономические исследования. Т. 7. № 3. С. 9–48.
- Латов Ю.В., Ковалев С. Н. (2006). Теневая экономика: Учеб. пособие для вузов. Моск. ун-т МВД России. [Latov Yu.V., Kovalev S.N. (2006). Shadow economy: textbook for universities. Moscow University of Internal Affairs of Russia]. — М.: Норма.
- Манушин Д.В., Еникеев Ш.И. (2023). Памяти Рустема Махмутовича Нуреева: обзор работ по экономической теории, управлению отраслевой экономикой и другим направлениям [Manushin D.V., Enikeev Sh.I. (2023). In memory of Rustem Makhmutovich Nureev: a review of works on economic theory, industry economics management and directions] // Russian Journal of Economics and Law. Т. 17. № 2. С. 451–460.
- Нуреев Р.М. (1974). К.Маркс о становлении общественного характера труда в докапиталистических формах производства [Nureev R.M. (1974). K. Marx on the formation of social character in pre-capitalist forms of production] // Процесс обобществления производства в различных социально-экономических системах. — М.: Изд-во МГУ. С. 17–26.
- Нуреев Р.М. (1976а). Генезис многоукладности в развивающихся странах (на примере Индии) [Nureev R.M. (1976a). Genesis of multi-structurality in developing countries (on example of India)] // Развивающиеся страны: проблемы воспроизводства в условиях многоукладной экономики. — М.: Изд-во МГУ. С. 5–24.
- Нуреев Р.М. (1976б). Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства [Nureev R.M. (1976b). Features of the basic production relationship and the discussion on AMP] // Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма / Отв. ред. А.А. Сергеев. — М.: Институт экономики АН СССР. С. 205–233.
- Нуреев Р.М. (1979а). Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе. [Nureev R.M. (1979a). The problems of the «Asian mode of production» in the soviet historical and economic literature] // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. № 5. С. 13–22.
- Нуреев Р.М. (1979б). Рабовладельческий строй [Nureev R.M. (1979b). The slave-owning system] // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. — М.: Советская энциклопедия. С. 415–419.
- Нуреев Р.М. (1980). Феодализм [Nureev R.M. (1980). Feudalism] // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. — М.: Советская энциклопедия. С. 270–275.
- Нуреев Р.М. (1987). Древний Египет. Передняя Азия [Nureev, R.M. (1987). Ancient Egypt. Western Asia] // Всемирная история экономической мысли. Т. 1. — М.: Мысль. С. 36–69.
- Нуреев Р.М. (1989). Экономический строй докапиталистических формаций (Диалектика производительных сил и производственных отношений). [Nureev R.M. (1989). The economic system of pre-capitalist formations (The Dialectic of productive forces and production relations)]. — Душанбе: Дониш.
- Нуреев Р.М. (1990). Азиатский способ производства и социализм [Nureev R.M. (1990). The Asian mode of production and socialism] // Вопросы экономики. №3. С. 47–58.
- Нуреев Р.М. (1991). Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. [Nureev R.M. (1991). Political economy. Pre-capitalist modes of production. Basic patterns of development]. — М.: Изд-во МГУ.
- Нуреев Р.М. (1999). Институционализм: прошлое, настоящее, будущее [Nureev R.M. (1999). Institutionalism: Past, Present, and Future] // Вопросы экономики. № 1. С. 128–140.
- Нуреев Р.М. (2001). Экономика развития: модели становления рыночной экономики [Nureev R.M. (2001). Developmental economics: models of the formation of a market economy]. — М.: ИНФРА-М.
- Нуреев Р.М. (2005). Теория общественного выбора [Nureev R.M. (2005). Theory of public choice]. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ.
- Нуреев Р.М. (2008). Послесловие к «Политической экономии сталинизма» Пола Грегори [Nureev R.M. (2008). Afterword to the Political Economy of Stalinism by Paul Gregory]. // Грегори П. Политическая экономия сталинизма — М. РОССПЭН. С. 344–389.
- Нуреев Р.М. (2009). Россия. Особенности институционального развития [Nureev R.M. (2009). Russia. Features of institutional development]. — М.: Норма.

- Нуреев Р.М. (2013). На пути к созданию новой макроэкономики: вклад институционализма [Nureev R.M. (2013). Towards the creation of a new macroeconomics: the contribution of institutionalism] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 5. № 1. С. 6–20.
- Нуреев Р.М. (2015). Если мы не будем заявлять о себе, наш голос не будет услышан [Nureev R.M. (2015). If we don't declare ourselves, our voice won't be heard] // *Мир новой экономики*. № 2. С. 37–46.
- Нуреев Р.М. (2017). Критика базовых предпосылок современных макроэкономических теорий [Nureev R.M. (2017). Criticism of the Basic Prerequisites of Modern Macroeconomic Theories] // *Предпосылки экономической теории* / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Р.М. Нуреева. — СПб: Алетейя.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2006а). Предисловие. Карл Полаanyi — наш современник [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2006a). Preface. Karl Polanyi is Our Contemporary] // «Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Р. М. Нуреева. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 9–12.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2006б). Что такое path dependence и как её изучают российские экономисты [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2006b). What is path dependence and how do Russian economists study it?] // *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и как процесса*. — М.: ИД ГУ ВШЭ. С. 228–256.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2010). Russia and Europe: the rut effect (experience of the institutional analysis of the history of economic development)]. — Калининград: РГУ им. И. Канта, Балтийский МИОН.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2016). Economic history of Russia (experience of institutional analysis): textbook]. — М. Кнорус.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021а). Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х. [Nureev R.M., Orechovsky P.A. (2021a). Discussions around the Basic Production relationship in the Political Economy of Socialism: the Cognitive Impasse of the 1970s] // *Журнал экономической теории*. Т. 18. №2. С. 185–196.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021б). Дискуссия вокруг производительных сил (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х). [Nureev R.M., Orechovsky P.A. (2021b). Discussions around the Production Forces (Political Economy of Socialism: the Cognitive Impasse of the 1970s)] // *Актуальные проблемы экономики и права*. Т. 15. № 2. С. 197–214.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2022). Долгие 1970-е гг.: когнитивный тупик политэкономии социализма [Nureev R.M., Orechovsky P.A. (2022). The Long 1970-s: The Cognitive Impasse of Political Economy Socialism] // *Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР* / Под ред. П.А. Ореховского. — СПб.: Алетейя. С. 75–190.
- Ореховский П.А., Вархотов Т.А., Кошовец О.Б. (2022). Период политического романтизма (1954–1972): политэкономы и философы [Orechovsky P.A., Varhotov T.A., Koshovets O.B. (2022). The Period of Political Romanticism (1954–1972): Political Economists and Philosophers] // *Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР* / Под ред. П.А. Ореховского. — СПб.: Алетейя. С. 75–190.
- Островитянов К.В., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А., Лантев И.Д., Кузьминов И.И., Гатовский Л.М. (1954). Политическая экономия. Учебник. [Ostrovityanov K.V. et al. (1954). Political economy]. — М.: Политиздат.
- Островитянов К.В. (1972). Избранные произведения. Т. 1. Политическая экономия досоциалистических формаций [Ostrovityanov K.V. (1972). Selected works. Vol. 1. Political Economy of pre-socialist formations]. — М.: Наука.
- Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы [Polterovich V.M. (1999). Institutional traps and economic reforms] // *Экономика и математические методы*. Т. 35. № 2. С. 1–37.
- Полянский Ф.Я. (1980). Вопросы политической экономии феодализма [Polyansky F.Ya. (1980). Questions of the political economy of feudalism]. — М.: Изд-во МГУ.
- Поршнева В.Ф. (1956). Очерк политической экономии феодализма [Porshnev V.F. (1956). An essay on the political economy of feudalism.]. — М.: Госполитиздат.
- Пястолов С.М. (2024). Светлый образ наставника. Памяти Рустема Махмутовича Нуреева (1950–2023) [Pyastolov S.M. (2024). The bright image of a mentor. In memory of Rustem Makhmutovich Nureev (1950–2023)] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 16. №1. С. 117–121.
- Румянцев А. М. (1981). Возникновение и развитие первобытнообщинного способа производства. Присваивающее хозяйство (Политико-экономические очерки) [Rumyantsev A.M. (1981). The emergence and development of the primitive communal mode of production. Appropriating economy (Political and economic essays)]. — М.: Наука.
- Семенов Ю.И. (1980). Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: протосударство и аграрные отношения [Semenov Yu.I. (1980). About one of the types of traditional social structures in Africa and Asia: the proto-state and agrarian relations] // *Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки* / Отв. ред. В.Г. Растянников. — М.: Наука. С. 102–130.
- Семенов Ю.И. (2019). Политарный («азиатский») способ производства. Сущность и место в истории человечества и России [Semenov Yu.I. (2019). The polytarian («Asian») mode of production. The essence and place in the history of mankind and Russia.]. — М.: ЛЕНАНД.

- Тер-Акопян Н.Б. (1969). [Ter-Nakobyan N.B. (1969). The Asiatic mode of production]. Азиатский способ производства // *Большая советская энциклопедия*. Т. 1. — М.: Советская энциклопедия. С. 279.
- Тер-Акопян Н.Б. (1972). Азиатский способ производства [Ter-Nakobyan N.B. (1971). Asian mode of production] // *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия*. Т. 1. — М.: Советская энциклопедия. С. 42–43.
- Энгельс Ф. (1961). Анти-Дюринг [Engels F. (1961). Anti-Duehring] // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Т. 20. — М.: Госполитиздат. С. 5–338.
- Wittfogel K.-A. (1957). *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. — New Haven: Yale University Press*

Гловели Георгий Джемалович

Georgii Gloveli

*Doctor of sciences (Economics), professor, National Research University «Higher School of Economics», Moscow
glovelig@mail.ru*

Мерзликин Константин Эдуардович

Konstantin Merzlikin

*PhD (Economics), researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow
kon.merzlikin@gmail.com*

R.M. NUREEV: FROM «POLITICAL ECONOMY IN A BROAD SENSE» TO THE SEARCH FOR AN INSTITUTIONAL «GRAND THEORY» OF ECONOMIC HISTORY

Abstract. This article explores the scholarly legacy of Rustem Makhmutovich Nureev, who published his first conceptual work in 1976 in a volume of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences and later spent many years at the Center for Methodological and Historical-Economic Studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Particular attention is given to the importance of Nureev's innovative elaboration of the concept of the Asian Mode of Production (AMP) as a way of overcoming the cognitive dead ends of Soviet political-economic scholasticism. Nureev highlighted the parallels between the AMP, understood as the historically earliest model of «power-property», and the administrative-command system of «real socialism», which was based on formal socialization carried out through the total statization of social relations. The article further characterizes Nureev as one of the leading figures of post-Soviet institutionalism, who regarded the diversity of institutional theories as an alternative to the ahistoricism of neoclassical economics, and as offering a promising foundation for the creation of a new “grand theory” of economic development grounded in inter-paradigmatic and interdisciplinary integration.

Keywords: *Nureev, political economy in the broad sense, Asiatic Mode of Production (AMP), cognitive impasses of the political economy of socialism; power-property, neoclassicism, post-Soviet institutionalism; new and contemporary economic history, grand theories of social development.*

JEL: A11, B25, B52, D01, E02, N15, O10, P00.

* Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.